

ТАТЬЯНА ТАРАН

Мисок мечт

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

Татьяна Таран

Список мечт. Повести и рассказы

«Издательские решения»

Таран Т.

Список мечт. Повести и рассказы / Т. Таран — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-901656-0

В сборнике рассказы о женщинах разных возрастов. Каждая из них совершает маленькие личные подвиги на житейском уровне. На том самом, где нет фотокамер и журналистов, нет психологов и юристов, где решения принимаются своим умом. Жажда жизни, стремление к счастью, ответственность за свой выбор, вера в себя и в лучшее. Как бы ни было плохо — все равно когда-нибудь будет хорошо! Книга рекомендуется к прочтению не только женщинам, но и мужчинам. Ведь счастье не строится в одиночку.

ISBN 978-5-44-901656-0

© Таран Т.
© Издательские решения

Содержание

Барышня и капитан	6
Глава 1	6
Глава 2	21
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Список мечт Повести и рассказы

Татьяна Таран

Корректор Ирина Токарчук

Иллюстратор Елена Гуляева

© Татьяна Таран, 2017

© Елена Гуляева, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4490-1656-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Барышня и капитан

Повесть

Глава 1

1

Красная площадь июньским жарким днём привычно вбирает в себя толпы туристов. По одному и парами, группами и шеренгами полируют они своими кроссовками и сандалиями брусчатку, передвигаясь от одной достопримечательности к другой. Летнее солнце, разлитое щедрой рукой Всевышнего, высвечивает под ногами медным блеском среди каменных прямоугольников восьмиконечную звезду в круге, с надписью по периметру: «Нулевой километр автодорог Российской Федерации». Пункт «остановки», установленный на границе Манежной и Красной площадей, манит к себе очередные волны туристов.

По кругу и вразброс – толпа зевак, наблюдающая за суетливыми движениями двух юных девушек на этом небольшом пяточке под ногами.

– Ну, давай, бросай скорее монетку, загадывай, смотри, сколько людей вокруг тоже ждут своей очереди!

Девчонки, тростиночки лет восемнадцати-двадцати, смеются и крутятся друг перед другом: одна, блондинка в светлом платье, – в самом круге, другая, черноволосая красавица в шортах и футболке, – за его чертой.

Та, что в платье, никак не может выбрать правильное местоположение:

– Нина, я не знаю, как правильно встать, как нужно, скажи?

– Надо спиной к Александровским воротам, лицом к Иверской часовне. Вот! Вот так правильно. Давай, кидай уже!

Та, что в круге, замахнулась несильно и бросила медную монетку через плечо. И тут же повернулась, ища глазами место её приземления.

– Сюда, Аня, в эту сторону смотри, она сюда упала! – Подружка показала рукой на монету на земле, и обе, как по команде, подняли глаза прямо перед собой.

За внешним кругом, обрамлявшим всю композицию из звезды, надписи и барельефов с изображениями животных из всех климатических зон страны, среди других зрителей стояли два молодых человека, также с улыбкой наблюдавшие за этой весёлой кутерьмой девчонок.

Та, что руководила процессом вращения в круге, взяла подружку за руку и направилась к парням.

– Давай, спрашивай! Только одного! Любого!

Так и стоя друг против друга, два на два, та, что бросала монетку, подняла глаза на своего визави:

– Скажите, пожалуйста, как вас зовут?

– Андрей.

Молодой человек хоть и удивился вопросу девушки, но имя назвал честно и без раздумий. Девчонки приятные, весёлые, что ж не откликнуться.

– Спасибо. Очень приятно, – девушка чуть склонила голову, произнося слова благодарности. Как бы в полупоклоне. И тут же повернулась к своей бойкой подруге:

– Ну, всё, пойдём?

А та, желая прояснить ситуацию, скороговоркой начала объяснять:

– Парни, вы не подумайте чего такого! Здесь, на нулевом километре, примета такая: если бросишь монету через плечо и спросишь имя у первого мужчины, который попадётся на глаза, то узнаешь имя будущего мужа. Я уже спрашивала, теперь подругу привела. И желания разные можно загадывать, не только имена. Не верите? – девушка даже рассердилась, увидев снисходительные улыбки парней. – Да вы попробуйте сами, загадайте желание на завтра и увидите, оно обязательно сбудется. Не верите мне всё равно... – Девушка сделала вид, что расстроилась от недопонимания важности момента молодыми людьми.

– Да и ладно, всё равно спасибо. За то, что имя своё назвал, – тут Нина обратилась персонально к Андрею.

И, подводя итог импровизированной акции по знакомству с именем будущего мужа для подруги, завершила разговор:

– Так что спасибо вам, парни, у нас всё получилось. Правда, Анюта? – и, не дожидаясь ответа, взяла её за руку. – Ну, всё, мы пошли, пока-пока!

Девушки развернулись и, щебеча о своём, о девичьем, направились вдоль Исторического музея дальше, к Александровскому саду.

– И что это было? – второй из парней задал вопрос приятелю, чьё имя только что спросила одна из девушек.

– Не что, а кто. Весёлые девчонки! Замуж хотят, что непонятно тут?

Ребята постояли ещё немного возле суетливой точки, наблюдая за очередными ловцами желаний.

– Слушай, Игорь, а ты заметил, как необычайно хороша эта москвичка с глазами цвета морской волны? – парень, который только что стоял напротив блондинки, обратился к приятелю.

– Та, которая монетку бросала? – откликнулся тот.

– Да, что имя у меня спросила, – подтвердил Андрей.

– Не особо я её разглядывал, девчонки как девчонки, нормальные, – приятель пожал плечами. – А ты уверен, что она москвичка? Может, как и ты, – в столице гость?

– Может, и не москвичка, но девица и впрямь хороша, худенькая, спина как струнка вытянута. Глаза такие: заглянула – и я утонул. – Андрей смотрел уже не на кружение народа вокруг звезды на брусчатке, а вслед удалявшимся девчонкам. – А манеры? «Извините, пожалуйста». И в платье, все в джинсах обычно.

Решившись, он тронул приятеля за плечо:

– Слушай, друг, пошли, догоним их, а? Познакомимся, погуляем... Что теряем?

– Да вторая же сказала, что занята, мне не светит. – Игорь развёл руками и сделал вид, что расстроен.

– Да ладно ты, не жениться же зову, так – день скоротать да приятные впечатления увезти с собой на край земли. Заодно и проверим – москвичка или приезжая.

– Слушай, Андрюха, а я смотрю, ты смелый в морях стал!

– Игорь, дружище, в море, кроме романтики, ещё и страшно бывает. Хочешь – не хочешь – смелым станешь. Штормит иногда так, что хоть тарелки к столу гвоздями прибивай. Нас, когда мы на практику в кругосветку ходили, мотало по волнам в ревуших сороковых широтах так, что молился всем богам сразу. А я атеист, между прочим... Да и в других морях не на качелях качает, а по серьёзному. Я-то сейчас пока в каботаже, по дальневосточным морям хожу, но и там, в Охотском море, мало не покажется, особенно осенью. Но нам не выбирать, куда Родина пошлёт – туда и я с пароходом. Ну, идём же, быстрее, пока видно их ещё!

И парни широким шагом направились вслед за девушками.

– Девушки! Анята!

Девчонки, услышав имя одной из них, повернулись и с недоверием посмотрели на ребят.

– Это вы нам?

– Ну да, мы решили вас проводить, вдруг хулиганы пристанут. – Андрей стоял и смотрел на Аню, не отрываясь.

– Какие хулиганы? Тут все на виду, не верьте ему, девчонки, это он на ходу придумал. – Игорь решил тоже пофлиртовать, на всякий случай.

– Меня Игорем зовут. А тебя? – обратился он к бойкой подружке.

– А меня – Нина. Но у меня уже есть парень, и его зовут совсем не так! Я же сказала, что кидала уже монетку. – Девушка надежд не оставила.

– Эх, жаль, а я думал, что ты пошутила. Ну и ладно. Андрей, ты чего застыл как истукан? – Игорь обернулся к приятелю. – Предложи девушкам прогуляться в Александровском саду, там хоть прохладнее, чем здесь, на солнцепёке.

– Пойдёте с нами, Аня, Нина? – теперь обращаясь к девушкам, сказал Игорь. – Я своему другу показываю достопримечательности. Может быть, вы тоже знаете что-нибудь интересное?

– Да-да, там, в Александровском саду, как раз сейчас будет смена Почётного караула, – сказала Нина. – Если поторопимся, успеем.

И вся компания зашагала в сторону ещё одной реликвии Красной площади.

Облепив ограждение, здесь уже собралось немалое количество желающих посмотреть церемонию.

– Идут, идут! – зашелестело среди зрителей. И все вытянули шею в ту сторону, откуда уже ясно слышалась поступь армейской обуви по каменным плитам. Люди с восхищением смотрели, как тянут ногу караульные, с какой секундной чёткостью отбивают шаги, как филигранно перевешивают оружие и замирают у караульной будки, охраняя вечный покой Неизвестного солдата.

– Ты тоже так шагал на плацу в своей мореходке? – спросил Игорь друга после окончания торжественной смены караула.

– Да ну, куда нам, – ответил Андрей. – Была, конечно, строевая подготовка, но так вышагивать я бы, наверное, не смог. А вообще нам надо было совсем другое умение оттачивать – как вообще удержаться на ногах во время морской качки.

– Так ты моряк? Капитан на пароходе? По морям, по волнам? – Нина от удивления даже приложила руку к воображаемой фуражке.

– Капитаном я буду лет через десять – пятнадцать, когда все моря обойду. А пока – третий помощник капитана, отвечаю за штурманские карты на пароходе. Моя задача – путь проложить, отметить, где камни подводные, где отмели, где айсберги. Ну и рулить пароходом в свою вахту. А тут я в отпуске. Решил вот навестить одноклассника и посмотреть столицу.

Андрей похлопал приятеля по плечу:

– Молодец, Игорёха, все правильно сделал! Закрепился в Москве после института, науку двигать будет. А я здесь просто гость, рассматриваю всё, что раньше видел только по телевизору. Не был в столице никогда раньше.

– Как не был? – тут удивилась уже Аня. – Мне казалось, в Москве бывали все.

– Ну вот, такой уникальный экземпляр перед тобой сейчас стоит. Не был, не доводилось до сих пор, как говорится, вот, навёрстываю упущенное. А ты, к примеру, – обратился Андрей к Ане, – была когда-нибудь во Владивостоке?

– Где-где? Во Владивостоке? Это же очень далеко! – Аня рассмеялась, не представляя себе такой маршрут даже в мыслях.

– Ну, допустим, не дальше чем до Москвы из Приморья. В обе стороны одинаковое количество времени лететь – девять часов на самолёте, – отшутился Андрей.

– А вы, девчонки, – решил прекратить урок географии Игорь, – тоже не москвички, похоже? Мне кажется, москвичи сюда только на парад Девятого мая ходят, а так что тут смотреть, всё давно им с детства знакомо. Вы, наверное, тоже приезжие? Студентки?

Девушки взглянули друг на друга, и весёлое выражение с их лиц слетело одновременно.

– Да, знаете... Как нас сейчас назвать... – Аня пожалала плечами и замедлила с ответом. – Студентки? Нет, мы отучились уже. Неделю назад получили дипломы. И до конца июня ещё можем жить в интернате при училище. Так что пока мы ещё москвички, только временно тут проживающие.

– А дальше? – спросил Андрей.

– А дальше – давайте не будем о грустном, – теперь сказала Нина. – Ну и вообще, нам пора, погуляли, и хватит. Пойдём? – обратилась она к подруге.

– Да, нам пора. Всего доброго, – сказала Аня, посмотрев в глаза Андрею. И улыбнулась ему:

– Зато я теперь знаю имя своего будущего мужа. Спасибо, что ответили там, у знака, на мой вопрос.

Девушки повернулись и пошли к открытым воротам парка.

Андрей, сосредоточенно глядя им вслед, пробормотал:

– Чёрт побери! Такая девушка уходит, я не встречал подобной красоты нигде. Вот сейчас уйдёт и всё, что ли? А я потом буду безнадежно вспоминать светлый образ прекрасной незнакомки?

– Аня! – крикнул он вдогонку и побежал за девушками.

Они остановились, а Игорь остался на месте и наблюдал за сценой со стороны.

– Аня, Нина, может быть, завтра встретимся ещё раз? На Арбате, я там уже был вчера, дорогу знаю, или снова здесь? Ну? – Андрей был настойчив, но не уверен в себе. Кто он им, столичным красавицам, пусть даже и временно тут находящимся?

Нина развела руками:

– Я завтра не могу, мне книги сдавать в библиотеку, обходной подписывать, занята весь день.

– А ты, Аня? – Андрей терял последнюю надежду, но сдаваться не думал. – Ты придёшь? Мороженое поедим, музыкантов уличных послушаем. Давай завтра?

Аня стояла и не знала, что ответить. Парень – лучше не бывает. Высокий красавец, крепкие плечи, чёрные, коротко стриженные волосы, серые глаза, в которых отчаяние сменялось надеждой и снова отчаянием.

– Ты придёшь? – снова спросил он.

– Я не знаю. Я ещё не знаю, что буду делать завтра, – тихо ответила девушка.

Аня без поддержки подруги готова была вообще лишиться голоса. Вдвоём – запросто. А одной, на свидание, – новая для неё конфигурация.

– Тогда я знаю! – Андрей решил идти напролом. – Жду тебя у фонтана на Арбате, в 12 часов. Девушка там золотая есть, знаешь?

– Принцесса Турандот?

– Да, наверное, я не запомнил имя, Игорь мне сказал о ней, когда гуляли с ним, но я не запомнил. Вот, у принцессы и встретимся! – с полной уверенностью, что так и будет, сказал Андрей. – Опоздание принимается, только не очень долгое. Но я буду ждать, пока ты не придёшь, так и знай. Сначала лето пройдёт, потом осень, потом меня засыплет снегом...

И все рассмеялись, представив, как атлетически сложенный молодой парень медленно и печально превращается в замёрзшую ледяную фигуру.

– Я постараюсь, – так же тихо ответила Аня. – До свидания.

И девушки пошли к выходу из сада.

Игорь, который во время разговора подошёл к компании, с удивлением смотрел на приятеля:

– Ну, ты даёшь! Чувствуется дальневосточная хватка, вцепился, как леопард в добычу.

– Да ладно тебе, девчонка супер, зацепила, что сказать. – Андрей так переволновался, что не слышал иронии в словах приятеля.

– Знаешь, я завтра с тобой не пойду. – Игорь понял, что будет лишним на Арбате. – Давай, женишок, сам себе свидания разворачивай. Дорогу от «Космоса» к метро уже знаешь, выйдешь на станции «Арбатская» и вперёд, навстречу судьбе.

– Да понял я всё, штурман как-никак, лоцию с навигацией пять лет штудировал.

3

Вечером Андрей думал о том, что он, пожалуй, даже и женился бы сразу. Проводя большую часть времени в морях, можно вообще без жены остаться. Где-то как-то когда-то надо же искать себе вторую половину, так почему бы не в Москве? Столица, культурный город, люди воспитанные, образованные. А Аня ещё и красива. И скромна.

«Не успел вчера спросить, какую профессию она тут получила, на кого училась? – думал он о прекрасной блондинке, лежа в гостиничном номере с видом на сияющую огнями Останкинскую башню. – Может, на бухгалтера? В интернате, девушки сказали, живут. У нас общага была, и в других институтах – тоже общежития. А здесь интернат. Не знаю, в каких учебных заведениях дом студентов называется таким словом. Завтра спрошу у неё об этом».

С мыслями об Ане он и уснул.

Утром молодой человек озадачился: купить на свидание букет или один цветок? Если один – подумает, жадный. Если букет – хочет сразить количеством. Значит, надо букет, но не помпезный. А какой?

То, что на свидание к такой девице нельзя идти без цветов, – это понятно, но как угадать, какие она любит? Розы, как и большинство женщин? А что в них хорошего? Аромата почти нет, сам цветок весь укутанный в себя, ещё и вянет быстро.

Вот гладиолус – хороший цветок. Дома, во дворе, мама высаживала в колёсную шину сразу несколько корней, разного цвета, и когда они начинали цвести, то раскрывались по очереди – снизу до верха. Отцвёл нижний – упал, за ним следующий раскрывается, и так, по лесенке, целый месяц цветёт.

В свою деревенскую школу на Первое сентября Андрей всегда шёл с букетом гладиолусов и потом ещё неделю-другую смотрел на свой подарок, стоящий на учительском столе.

Где ж в Москве в июне найти гладиолусы?

У выхода из метро Андрей остановился у цветочного киоска.

– Скажите, а какие у вас есть необычные цветы? Ну, чтоб ни розы, ни гвоздики там, какие ещё другие есть? – обратился он к продавцу.

– А вам по какому случаю дарить? Девушке или взрослой женщине, маме может быть? – спросила немолодая цветочница с обаятельной улыбкой и искренним интересом.

– Мне для девушки, но, понимаете, она такая... такая... – Андрей замаялся, потому что никак не мог подобрать одно слово, чтобы дать характеристику Ане, покорившей его вчера с первого взгляда. – В общем, она не такая, как все сейчас, а как будто из книжек про Дубровского.

Андрей уже не очень помнил, какие там у Дубровского были отношения и с кем, но то, что в те времена девушки выглядели совершенно иначе, чем сейчас, это однозначно. Вот и Аня – она как из прошлого века.

– Тургеневская барышня? – подсказала цветочница.

– Да! Точно! Правильно – именно барышня. Она такая невесомая, воздушная и... И вот розы – они ей совсем не подходят, это точно.

– Понятно с тобой всё, паренёк. Влюбился, что ли? – Продавец понимающе улыбнулась. – Смотри, вот есть нежные цветы, думаю, подойдут для такой девочки. Фрезии свежие, только утром привезли мне. Пахнут не сильно, но аромат приятный, ненавязчивый. И недорого. Цветок раскрытый, белые лепестки как будто прячут внутри капельку солнца, и стебелёк – тоненький, наверное, как талия у барышни твоей. Худенькая?

– Да, совсем тоненькая. И дело не в цене, просто хочется угадать её вкус. Давайте, думаю, ей понравится. – Андрей заплатил цветочнице и с букетом в руке зашагал по арбатской мостовой, поворачивая головой налево-направо.

Два дня назад Игорь водил его на эту улицу в Макдональдс и по пути рассказывал про известные дома и людей, которые в них когда-то жили.

Возле какого-то старинного здания на глаза попался необычный фонтан. Молодая женщина, вся из золота, ну, по крайней мере, её пышная юбка блестела, как золотая, восседала на высоком троне. Не заметить её, прогуливаясь по пешеходной улице, – невозможно. Поэтому и назначил свидание Анне возле такого приметного якоря.

«Где же он, этот фонтан? Ещё есть в запасе полчаса, если не найду, спрошу у художников, они-то всё здесь знают», – шёл и думал про себя молодой человек.

А о том, что он скажет Ане, он не думал совсем. Ему важно было, чтобы она вообще пришла на свидание, чтобы снова её видеть, ощущать рядом с собой, просто смотреть на неё, как на этот чудесный букет цветов. Просто смотреть – и наслаждаться красотой и чистотой прекрасной девушки.

В двадцать шесть лет Андрей, конечно же, не был монахом и отшельником. В родной деревне у него была школьная любовь по имени Светлана, с русой косой, широкой костью в крепких девичьих запястьях, привыкших к крестьянской работе. Любовь была детская, с невинными поцелуями, обещаниями вырасти и быть вместе всегда, конечно же, до самой старости.

Но – Андрей поступил в мореходку в городе, а Света не добрала полтора балла на исторический и осталась в деревне, зарабатывать педагогический опыт няней в детском саду. В первые же зимние каникулы стало ясно: любовь на расстоянии не продержится до ближайшей весны. К следующему лету Света вышла замуж за механика с машинно-тракторной станции, а Андрей увяз в учёбе так, что головы поднять и посмотреть на девушек времени не было.

Только после второго курса в свои увольнительные из бурсы (так курсанты называли своё морское учебное заведение) Андрей с друзьями начал ходить на танцы в общежитие филологического факультета местного университета.

Такой негласный паритет заключили между собой курсанты двух мужских училищ: гражданские моряки ходили танцевать на филфак, а будущие военные моряки – на танцы к студенткам медицинского института. Хотя чаще, наоборот, студентки-медики шли в танцевальный зал военного училища, так как там с увольнительными у ребят было всё намного строже.

Утвердив такой порядок разделения территорий влияния, парни, наверное, инстинктивно чувствовали, что морякам заграничавания будет в помощь хорошее знание английского языка жены, а военным морякам – в дальних гарнизонах – свой доктор в семье пригодится.

«Англичанки», как их называли студентки других факультетских специальностей, были свободны во взглядах, несли на себе некую «буржуазность» и в перерывах между танцами вполне допускали к себе в общежитские будуары. Условие было одно – к одиннадцати часам вечера гостей в комнате не должно было быть. Проверка членами студенческого совета на предмет наличия визитёров могла обернуться и отчислением из университета.

Мимолётные встречи приносили Андрею приятные впечатления, но мысли о том, чтобы с кем-то из бывших с ним девушек связать свою жизнь надолго, ему не приходили.

Первые рейсы на пароходе, к которому его приписали в отделе кадров, быстро донесли до него правила «семейной» жизни в море. Буфетчица – для капитана, если он этого захочет, дневальная и повар – тому, кто первый «склеит». Такие отношения делятся от берега до берега, а дальше всем становится всё безразлично. Поэтому Андрей не сильно переживал из-за неудач и не сильно радовался временному вниманию попутчиц по очередному рейсу.

«Где же эта дама в золотой юбке?» – ища глазами по сторонам улицы фонтан, Андрей уже дошёл до середины Арбата, когда наконец сверкающая в солнечных лучах женская фигура, парящая на троне над прохожими, вдруг открылась ему в небольшой нише между двух домов. Как вчера Аня назвала эту статую, он опять не мог вспомнить. Объяснить по звёздам положение парохода в Тихом океане он бы смог. А вот тут он не силён, чего уж там, по правде говоря.

Взглянув на часы, Андрей успокоился: ещё пятнадцать минут до полудня, время есть, не опоздал, нашёл фонтан. А дальше? «Придёт Аня, что я ей скажу? Будь моей дамой сердца? Ты здесь, а я во Владивостоке? Да я и не там, по сути. А семь месяцев в море, пять – на берегу.

А может, она и не придёт сейчас, с чего бы ей. Зачем? Как она вчера сказала: я не знаю. Или: может быть. Десять минут ещё, цветы хорошие, расположены так симметрично: три во внутреннем круге и три во внешнем. Природа сама геометрию вычерчивает, без учителя математики. Понравится ли ей букет?»

4

Нина весь предыдущий вечер в общей для них комнате в интернате вела политинформацию для Анны:

– Ну и что ты теряешь? Койку здесь у тебя и так через неделю отберут. Куда потом? В Иваново, к маме? «В деревню, в глушь, в Саратов, к тётке?» В Доме пионеров кружок танцев вести?

Он же на тебя запал по-крупному, ты видела? Глупость сделаешь, если не пойдёшь на свидание. Может, выгорит, может, нет – но мы не должны ждать милостей от природы! Наша задача – самим их взять.

Ты подумай – моряк заграничавания, это же мечта половины девушек в стране. А вторая половина мечтает о дипломатах. Ха-ха! На всех не хватит. Ты видишь, что в стране делается? Деноминация, инфляция, денежная реформа – только и слышно в маршрутках. То чёрный вторник, то чёрный четверг... Не хватало ещё сиреневой пятницы. Непонятно, как дальше жить? На что рассчитывать нам, бедным девушкам? Только на свою красоту и молодость!

Бери пример с меня – я недолго раздумывала, кто первый попался на пути, тот и ладно. А сейчас, выходит, повезло мне с машинистом. Электрички в Долгопрудном точно не отменят, иначе как народ в Москву на работу добираться будет? Хотя если посмотреть вокруг – заводы встали, люди без работы, без денег, то всяко может повернуться. Ну, и ничего, у него права есть, в такси пойдёт. Главное, что он меня любит и замуж уже позвал. В сентябре свадьбу сыграем.

А ты ещё раздумываешь – тут принц такой, на белом пароходе. Вприпрыжку по площади за тобой бежал, аж запыхался, чтобы свидание тебе назначить.

– Откуда ты знаешь, на каком пароходе? – Аня прервала монолог подруги. – Может, он зелёного цвета. Или синего. И что я должна делать? Протянуть руки и сказать: через неделю меня выселят из интерната, а к маме я вернуться не могу. Потому что в моём доме теперь живёт новый мамин муж и их ребёнок. Позови меня с собой? В даль светлую? Ты вообще представляешь себе, где этот медвежий угол, Владивосток? Я – нет.

– Что ты пугаешь меня и себя? – Нина позиций сдавать не собиралась. – Какой угол? Далеко, конечно, не спору. Я даже не знаю, это дальше, чем Сахалин? Кажется, он самый крайний там, на Востоке. Или Камчатка? Да, впрочем, какая разница? Ну и что, что далеко? Зато ты видишь, какие там парни водятся. Красивые, здоровые, умные, смелые, благородные!

Как он вчера за нами – и раз! Защищу тебя от хулиганов, прекрасная Дульсинея! И – два: замёрзну, в льдинку превращусь, пока буду ждать незабвенную свою барышню!

И девчонки захохотали, вспоминая вчерашнюю сцену расставания.

– Да уж, классные ребята. Не навязывались, не дерзили, нормальные парни. – Аня искала аргументы «за», чтобы пойти на свидание. И аргументы «против».

– Не вижу смысла туда идти. Он уедет, вернее, улетит, а я...

– Вот-вот. А ты? А ты – куда себя денешь? В Иваново, на соседней с мамой улице квартиру снимать? Не будешь же ты теснить родных в вашей однокомнатной? Бывшей вашей... – Нина споткнулась в разговоре, понимая, что говорит подруге не очень приятные вещи. – Ну, я имела в виду в бывшей вашей с мамой квартире, а теперь ещё и отчима...

И с работой, что у вас там с работой? Театра оперы и балета у вас нет, в драматический балерины не требуются, только в кукольный если танцевать за ширмой для собственного удовольствия. Это ты себе так видишь своё будущее?

Так что твой путь там – кружок танцев в доме пионеров и школьников. Если он ещё сохранился. Но на жизнь тебе такой зарплаты не хватит, да сейчас не ясно, будет ли она вообще. И с женихами там не очень-то, если верить поговорке.

– Да нормально там, как везде. Одноклассницы мои, бывшие, уже выходят замуж одна за другой. – Аня встала на защиту родного города.

– Вот-вот, уже всех женихов и расхватали, тебе не оставили. А тут птица сама в руки летит. Прямо сказочная Жар-птица! – и Нина снова рассмеялась.

– Да как бы не обжечься... – Аня задумалась о чём-то своём.

– Знаешь, лучше сделать и пожалеть, чем не сделать – и жалеть потом всю жизнь. Душ завтра на Арбат, а там по ходу пьесы определишься: герой он твоей оперы или мимо проходил.

– Можно подумать, что там, на краю земли, меня сразу в прима-балерины запишут. Там вообще хоть какой-нибудь театр есть? – Аня задала вопрос, на который ни сама, ни Нина ответа не знали, и знать не могли.

– Знаешь, подруга! – Нина уже устала убеждать соседку. – Сейчас, как говорит моя мама, не до жиру – быть бы живу! Твои тридцать два фуэте оказались не нужны ни Большому, ни Малому. Нас, подающих надежды, – много, а театров мало. Меня в Долгопрудном ждут, в спортивном клубе вести аэробику, ещё индивидуальные занятия по хореографии буду проводить, спрос есть на это. Я-то как раз с радостью вернусь домой, потому что у меня там есть главное – жених и жильё. Володе от бабушки двухкомнатная досталась. А тебе куда приткнуться? Тут удача сама в руки идёт. Вернее, тебе самой к ней надо идти. Не будет балета на краю земли – зато жених какой симпатичный! Где-то же он там всё равно живёт между рейсами, не на улице же? Вот пойдёшь завтра и всё узнаешь! И не будь душой!

Ближе к ночи решение девушками было принято. На свидание – идти. Но о чём говорить с незнакомым парнем, Анна не знала. У неё вообще не было опыта серьёзных отношений с противоположным полом. Годы, проведённые в интернате хореографического училища, были доверху заполнены репетициями, уроками, концертами и снова репетициями. Какие мальчишки? Когда? И где?

Адочка, интернатский воспитатель Ариадна Александровна, следила за каждым шагом юных балерин. Только поступившим детям – вытереть нос и слёзы, девочкам постарше – помочь «не встать на скользкую дорожку». Какой смысл она вкладывала в это понятие – известно было только ей одной. Но каждую девушку, вернувшуюся из увольнительной в город, она обнюхивала как спаниель, натасканный на алкоголь и табак. И горе тому, кто опоздает из двухчасового «отпуска» по воскресеньям. Три замечания за время учёбы – и свободна балерина, как птица в полёте.

От столичных соблазнов лечение было одно: пахота до седьмого пота у станка. Измученные пальцы, кровоточащие в пуантах под лейкопластырем, не волновали педагогов по хорео-

графии ничуть и нисколько. Каждый из них сам прошёл через эти жернова балетной школы, каждому били по «слишком жирным ляжкам», каждого обзывали коровой, давили на бесталанность, угрожали не ввести в выпускной спектакль. Теперь была очередь их – Нины, Ани и других девчонок, сомучениц по балетному классу. Шесть лет унижений, по шесть дней в неделю, шесть кругов ада в квадрате.

К своим девятнадцати годам Аня знала точно две вещи. Первое: её признали профпригодной, что подтвердил диплом об окончании училища. И второе: её профпригодность никому не нужна.

Ни связей в Москве, ни жилья, ни жениха, ни работы – ничего. Пустота. Уже никто не мучил тренировками, не обвинял, не ругал. Но ноги по привычке сами вели в танцевальный зал, разминка, растяжка, прыжки, вращения – без этих утренних двухчасовых тренировок Аня своей жизни уже не представляла. Адреналин, годами поступавший в кровь во время тренировок и репетиций, жаждал продолжения банкета. «Не будет зала, пойду на тротуар с поручнями» – думала Аня о своём далеко не светлом будущем.

Ещё бы знать, где тот тротуар. В каком он городе вообще? Куда ей через пять дней убираться из Москвы?

5

– Аня! Здравствуй!

Андрей, сидевший на бортике фонтана, увидел светловолосую девушку, шедшую к нему, и поднялся к ней навстречу. «По-прежнему в платье», – отметил он. Только теперь в цвет голубым глазам, длиною чуть выше колена, с широким чёрным ремнём, подчёркивающим и без того тончайшую талию. Андрею показалось, что если он сомкнёт руки на этом поясе, то вся округность Ани в них легко поместится.

«Она ведь лёгкая, как пушинка, на руках её можно носить, не напрягаясь. В деревне про таких говорили – «бараний вес», – подумал Андрей. Сколько это в килограммах, он точно не знал. Но в училище, когда весь курс отправляли на уборку картошки в подшефный совхоз, пятидесятикилограммовые мешки на борт ГАЗ-66 он с друзьями закидывал играючи.

– Здравствуй. – Аня сказала это тихим голосом и опустила глаза.

– Это тебе, цветы. – Андрей протянул букет и стоял, ожидая похвалы.

Но Аня молчала, пробормотав лишь «спасибо».

– Тебе нравятся фрезии? Или ты розы любишь?

– Красивые, спасибо.

Андрей понял, что без бойкой подруги Нины разговор может закончиться, практически не начавшись. Спасать положение было частью его профессии, в бурсе был даже такой специальный курс, назывался «борьба за живучесть». Похоже, пора применять на практике.

– Слушай, а я совсем забыл, как этот памятник называется, – и Андрей взмахнул рукой вверх, к трону златовласой девушки.

– Это Турандот. Китайская принцесса, которая приговаривала к смерти женихов, если они не могли ответить на три её вопроса.

– Ничего себе, кровожадная какая. А за что же ей памятник тогда?

– Тут история длинная, когда-то композитор Пуччини написал оперу по мотивам персидской сказки. А сказки ведь не всегда добрые, про Бабу-ягу, например, или про мальчика с пальчик. Это же ужас, летящий на крыльях ночи, или на метле, неважно, но тоже страшно, между прочим. Ну, не в этом суть. Опера идёт на сценах мира почти с начала века.

А наш русский режиссёр Евгений Вахтангов решил поставить художественный спектакль. Его премьеры состоялась в этом здании, – Аня показала рукой за спину Андрея.

Он обернулся и только сейчас заметил щиты с театральными афишами. А про себя подумал: мне и в голову не пришло, что здесь театр.

Аня, которая в классической опере разбиралась не хуже, чем Андрей в навигации, обрадовалась возможности хоть здесь применить свои знания. Не факт, что диалог продолжился бы, спроси её Андрей о наличии кафе на Арбате или ближайшего кинотеатра. Не её стихия. А тут – Аня блистала знаниями, обрабатывая диплом.

– Спектакль получился настолько удачным, что с годами он стал чем-то вроде талисмана театра. И вот в прошлом году поставили памятник героине этой сказки, принцессе Турандот. Так-то конечно, ей уже лет семьдесят, в искусстве, наверное, а в сказке и вовсе... – Аня сделала паузу, пытаясь сосчитать. – Сейчас 1998 год, а первая постановка была в 1922 году. Сколько это?

– Семьдесят шесть уже этой юной принцессе! – Андрей вмиг сосчитал.

Над этой шуткой засмеялась и Аня.

– А ты откуда такие подробности знаешь? Ты любишь в театры ходить?

Эмоция веселья на лице Ани опять сменилась задумчивостью и грустью. Что ответить? Что она любит театр? Любит сцену, закулисье, запах пыльных портьер, свет софитов и особенно себя внутри этого всего? Что театр – это единственное, что могло бы наполнить её жизнь на данный момент. А чем её наполнить в отсутствие театра в настоящий момент жизни – она не знала.

– Я балерина. Кроме танцев, мы изучали историю театра, оперы, балета. Ты же слышал о Жизель, Кармен, Одиллии? – Аня посмотрела в глаза Андрею и поняла, что говорит не о том. Инопланетянин, стоящий сейчас напротив неё, понял бы больше, чем этот парень с морской выправкой. – Ну, неважно это.

– Да нет, как раз очень интересно. Я об этом ничего не знаю, так далёк от театра, вообще ни разу не был. Сначала пять лет учёбы, потом три года по морям-океанам, не довелось пока.

«Какой интересный поворот, – подумал про себя Андрей. – Ни разу в жизни не видел настоящую балерину, а тут такая удача. Вот откуда эта прямая спина и тонкая талия. Им, наверно, вообще запрещено есть. С такой девушкой не стыдно друзьям показаться, хороша собой, умна, сдержанна, ещё и с такой необычной профессией».

Они присели на бортик фонтана, но разговор дальше не клеился. Андрей, чувствуя свою ответственность за приглашение девушки на свидание, решил, что молчать ему негоже.

– Может быть, в кафе посидим?

– Я не знаю. Нет, наверное. И здесь хорошо, прохладно от фонтана. А там же калории от пирожных, удержаться трудно.

– Что, совсем нельзя? Нисколько?

– Да сейчас-то, наверно, можно уже, педагоги ругать не будут. Некому уже ругать... Вернее, некого. Мы для училища теперь никто. Кто смог, у кого прописка есть или договорённость с театром – те остаются в Москве. А нам с Ниной – на выход.

Аня замолчала, погрузившись в свои невесёлые мысли. Андрей почувствовал состояние девушки и не знал, чем утешить. Спросить о дальнейших планах? А если их нет? Вчера девушки говорили, что им осталась неделя проживания в интернате – вот, значит, как у балерин называется общежитие. Наверное, уедет к себе домой, куда же ещё ей деваться?

– Поедешь к себе домой? А ты, кстати, откуда родом?

– Да от Москвы недалеко, четыре часа на поезде. Иваново. Город невест.

– Почему невест? А женихов там нет?

– Так давно сложилось в песне. Когда-то в Иваново работало много текстильных фабрик, на которых трудились в основном женщины, ткачихи. Мужчин было меньше, не всем девушкам удавалось стать чьими-то жёнами, так и старились вечными невестами. Сейчас фабрики

позакрывали, а поговорка осталась. Выбора у меня нет, куда ехать. Только домой. Москва слезам не верит, собирай чемодан и на вокзал.

Андрей видел, что Аня произносит эти слова без эмоций, отрешённо и как само собой разумеющееся. Ни восторга по поводу встречи с родными, ни блеска в глазах накануне начала карьеры балерины он не заметил. Отчётливо было видно только, что Аня страдает от необходимости уезжать из столицы.

Чем он мог ей помочь в этой ситуации? Ничем, абсолютно. Вот для него дорога домой, в деревню, означала бы вкусные мамины пироги, пиво с сушёной корюшкой со школьными друзьями, отсып до полудня, – он любил ездить в деревню, но ненадолго. Скучно там.

Отпуск моряка, длиной в четыре-пять месяцев, он старался проводить в городе, где есть чем развлечься. А можно просто с друзьями потоптаться «на пятаке» – так моряки называли площадь перед железнодорожным вокзалом. Улицей выше находился отдел кадров пароходства, в котором работал Андрей и полдня до вечера можно было провести там, общаясь с бывшими коллегами по экипажам.

А вечером – в бар, скоротать приятно время. Или с местными парнями поехать на шашлыки к морю. Уже пошли в народ первые праворульные машины, за пятьсот долларов – не великие для моряка деньги – можно было купить битую «Хонду» в любом японском порту и за бутылку водки отремонтировать её у гаражных умельцев до ходового состояния.

Время, проводимое в период между рейсами, моряки называли «на биче». В двух шагах от отдела кадров располагалась гостиница «Моряк» для плавсостава, именуемая в морской среде «Бич-холл». Во времена перестройки бичами называли бомжей, отбросы общества.

Но моряки в это слово вкладывали свой смысл: на английском языке «бич» означает «берег, пляж». Образованные штурманы и механики английский в бурсе учили как молитву «Отче наш», поэтому бравировать своим «бичеванием» было неким шиком в среде посвящённых.

Отведав материнских пирогов, Андрей поселялся в бич-холле на несколько месяцев. Зарплаты, полученной за полгода в рейсах, хватало. Несмотря на политические и экономические потрясения в девяностые годы, морякам «загранзаплыва» платили и в рублях, и в валюте. Жаловаться было бы грех.

– Так ты к родителям вернёшься? – Андрей решил уточнить позицию Ани.

– Отца у меня с трёх лет нет, уехал на заработки в Москву, так и пропал. Может, жив, может, нет – не знаю. А мама, после того как определила меня в тринадцать лет в училище, вышла замуж. И у них родился сын, пять лет ему сейчас. Но я с ними практически не виделась все эти годы. У меня же занятия, репетиции, гастролы уже были, всё время некогда. Да и... – Аня запнулась, не зная, продолжать ли дальше.

Жаловаться на судьбу не в её характере. Муштра в балетном училище жёстче военного и морского образования. Там хотя бы на ногах маршируют, а здесь – на пальцах. И попробуй согни спину! Педагог приложит меж рёбер так, что больше не захочешь.

Аня закончила всё-таки фразу:

– Не хотелось их стеснять своим присутствием. У нас однокомнатная квартира. На всех.

Для штурмана моментально оценить критическую ситуацию – вопрос навыка. Для третьего помощника капитана предусмотрена не самая простая вечерняя вахта – до двенадцати ночи. Какой бы сонный ты ни был в это время, но нести ответственность за корабль хоть в шторм, хоть в штиль – обязан. Картина для Андрея сложилась ясная: ехать Ане некуда.

– И что же делать?

– Не знаю. Нина говорит, что мне надо снимать квартиру в Иваново и идти работать в дом пионеров, вести кружок танцев. На сегодняшний день это единственное решение. Она говорит, что мама рядом, поможет, если что. Но я-то знаю, что им и без меня там приходится несладко выживать. Я звонила с Главпочтамта вчера, после нашей с вами встречи на нулевом

километре, домой. И мама сказала, что им на фабрике зарплату уже третий месяц задерживают и, возможно, скоро закроют предприятие совсем. Муж её работает шофёром на маршрутке, а им же ещё Саньку растить. Ну, брата моего, по матери...

Аня смотрела на проходящих мимо людей, но не видела лиц. На уровне её глаз проходили синее платье, джинсы, юбка в клетку, ребёнок – тот поместился в поле её зрения во весь рост, белая юбка, опять джинсы...

Девушка посмотрела на Андрея:

– А какого цвета твой пароход?

Андрей обрадовался, что девушка сама сменила тему, потому что чёткого плана действий у него ещё не было, но картина вырисовывалась печальная. Для девушки, не для него.

– Да разные они бывали. И чёрные, и зеленые. Однажды был оранжевый, моряки его «морковкой» называют.

– Из-за цвета или формы?

– Цвет, конечно.

– Ни разу не была на море. И больших пароходов тоже не видела, только прогулочные катера в городе.

– А морскую звезду ты видела?

Аня была только рада переключиться от грустных мыслей по поводу своего ближайшего будущего и поговорить о чём-нибудь нейтральном.

– Какую звезду?

– Морскую! Ты на небе звёзды видела? Видела. А теперь представь, что все они упали с неба в море и стали морскими. – Андрей вознёс руки к небу, а потом опустил к асфальту. – Они не сияют так ярко, как на небе, зато у них очень интересные лучи с присосками, которыми они передвигаются по морскому дну.

– Так они живые?!

– Конечно! Это же моллюск, который живёт в море. А по форме он как звезда с пятью лучами. У нас ещё и ёжики есть.

– Ёжиков я видела в зоопарке. – Аня была на экскурсии с классом, животных-то она знает.

– Морские ежи. У них нет мордочки и лапок. Это шарик, как теннисный, только приплюснутый и весь в иголках. А внутри – икра, её можно есть сырой. – Андрей смотрел на изумлённую Аню, не верящую ни одному слову парня.

– Аня, ну что такого? Я не знаю про Турандот, а ты не знаешь про ёжиков с икрой. Ты не находишь, что мы могли бы быть интересными друг другу в этом вопросе?

Аня откликнулась на шутку:

– В вопросе ёжиков?

– Ну, и в этом тоже...

Повисла пауза. Каждый думал о своём, хотя – и об одном и том же. Аня – о напутствии подруги не ждать милостей природы, Андрей – о том, как бы уговорить Аню поехать с ним на Дальний Восток. Такой девушки там не сыскать днём с огнём. Обратное движение – в столицу, а то и за границу – процесс естественный, а вот чтобы в провинцию из столицы, да ещё ждать моряка по полгода из рейса...

– Пойдём, прогуляемся.

Андрей встал и протянул девушке руку.

В этой открытой ладони Аня увидела твёрдую решительность взрослого человека, чего ей так недоставало самой. Возрастная разница в пять-шесть лет, как она примерно посчитала, была для неё внушительной.

До сих пор решения за неё принимали мама, педагоги, воспитатели в училище. Оказавшись перед первым трудным жизненным порогом, она не знала, как поступить. В протянутой

мужской руке она увидела надежду на то, что как-нибудь всё само образуется. И она протянула ему свою руку.

6

На Арбате, по обыкновению, толпы народа передвигались в режиме броуновского движения. Мало кто конкретно шёл сюда в дом-квартиру Пушкина или к стене Виктора Цоя. Это обязательный пункт для организованных групп туристов или фанатов певца. А в основном приезжим в Москву был важен сам факт посещения знаменитой улицы. Поставить галочку: я там был!

Народ глазел по сторонам, не особо утруждая себя чтением памятных табличек на домах. А вот всё, что происходило на мостовой, сразу окружалось плотной толпой зевак.

Аня с Андреем полюбовались, как из-под руки уличного художника выходит чёрно-белая копия лица девушки, сидящей перед ним на низком стульчике.

Чуть дальше молодых людей привлекли восторженные крики зрителей: «Молодец, давай ещё!» Здесь парнишка лет пятнадцати танцевал, если можно так сказать применительно к этому виду искусства, нижний брейк. Голова его кружилась по мостовой со скоростью игрового волчка, кепка с козырьком назад только слегка придерживала разметавшиеся по асфальту волосы. Ногами в воздухе паренёк выделял немислимые вращения.

Андрей наклонился к Аняте:

– Балет вниз головой, да?

– Молодец мальчишка. Представляю, сколько часов он провёл на тренировках, чтобы сейчас так легко крутить здесь для публики, – Аня оценила трудолюбие танцора.

Прогулка по Арбату дала Андрею время для осмысления ситуации. Изнутри его подталкивало какое-то необъяснимое чувство важности происходящего. Ему казалось – всё неспроста. Вчерашняя встреча на нулевом километре – как точка отсчёта новых отношений. Девушка, образом которой он был пленён с первого взгляда. Досада на завтрашний утренний рейс Аэрофлота.

И совсем трудно определяемое чувство тревоги из-за неминуемой близкой потери того, что очень долго искал и вот только что нашёл. Это чувство было даже не в мозгу, а в районе солнечного сплетения. Где-то в груди щемила какая-то точка, сигналившая SOS.

Он пытался выстроить в одну линию все эти причинно-следственные связи, заодно отреагировать на сигнал внутри себя, но получалось плохо. Его отвлекали эти уличные скоморохи, не давали сосредоточиться на главном – на Ане и на своих чувствах к ней.

Есть связь? Интересен он ей или нет? Он был рядом с ней, касался её плеча, брал за руку – она не отталкивала, но и не проявляла инициативы, не жеманничала, как делали рядом с ним многие девушки до неё. Через прикосновения он хотел прочувствовать свою принадлежность к ней: нужен – не нужен? И не находил ответа.

Если б его попросили словесно нарисовать её портрет, он вряд ли нашёл бы правильные слова.

«Глаза голубые? – да; волосы светлые или тёмные – светлые; рост? – где-то на голову ниже меня, значит, примерно метр семьдесят от моих почти ста девяноста». Ну и всё, пожалуй.

Других внешних данных – какой там нос, губы, щёки, длина ног, овал лица – он не замечал, и ему это было не важно. Прямая спина, сдержанность в разговоре и никак не демонстрируемое, но вполне ощущаемое в этой хрупкой девушке чувство собственного достоинства – эти характеристики для Андрея имели доминирующее значение перед кукольным лицом или стразами на босоножках.

Аня тоже была погружена в свои мысли. Но они были совсем в другой плоскости. «Вот парень, крутит брейк, зарабатывает на этом копейки. А может, он просто для души это делает?»

А я? Всё, к чему стремилась, – сцена, накрахмаленные пачки, первая линия в кордебалете, а там, чего уж грешить, и сольные партии в мировых постановках... Где всё это теперь? Где я? Где балет? Не ждать милостей от природы. А как их взять? Куда вообще мне деться?»

Присутствие рядом большого, взрослого мужчины не добавляло ей уверенности в себе. Вся система обучения в хореографическом училище построена на личной ответственности за себя и свою судьбу. Будешь трудиться до седьмого пота – будут гастролы. Перетанцуешь всех на сцене – дадут партию Жизель.

В системе координат балетного кнута и пряника мужчине могло быть отведено только одно место – партнёра по роли. Поддержка, подкрутка, иногда и подстава, если интрига в коллективе затрагивает более чем одну балерину...

Прогулка по Арбату не могла быть бесконечной. Пройдя с девушкой всю улицу до Садового кольца и обратно, Андрею нужно было как-то разрешать ситуацию. Расставание неизбежно, но как сказать «прощай»?

– Аня, у меня завтра утренний рейс самолёта. Я должен улетать. – Андрей невесело усмехнулся и добавил: – Море зовёт.

Девушка в ответ не сказала ничего. Также молча шла рядом с ним к станции метро Арбатская, как к пункту расставания надолго, навсегда.

Как Андрей решился на следующую фразу, он сам бы вряд ли объяснил. Патовая ситуация, цейтнот, пан или пропал, быть или не быть...

– Аня, а если я тебе вышлю денег на билет, ты прилетишь ко мне во Владивосток? – Андрей остановился и повернулся к ней лицом. – Сейчас у меня с собой нет такой суммы, билет себе я заранее брал. Но завтра вечером я буду дома, послезавтра схожу в бухгалтерию и выпишу себе аванс. Да и премии нам обычно позднее отпускных начисляют, так что с деньгами у меня всё нормально. Куда тебе выслать?

Анна подняла глаза и впервые посмотрела на Андрея долгим изучающим взглядом. Как будто до этого момента не было повода смотреть в лицо этому человеку. Что она боялась там увидеть раньше и что надеялась разглядеть сейчас? Что изменилось за эти три часа, проведённых вместе?

Да всё изменилось. Ещё утром у неё не было выбора. А сейчас он есть: вернуться в родной город или уехать на край света. Когда появляется выбор, то человек перестаёт быть заложником ситуации: ведь есть же варианты! Хотя бы и из огня да в полымя...

Последнюю мысль Аня произвольно произнесла вслух:

– Из огня да в полымя...

– Что? – не расслышал Андрей.

– Нет-нет, это я так, про себя...

– А про меня какой будет твой положительный ответ?

Андрей шутил, чтобы снизить накал решающей минуты.

– Аня, ты не подумай чего плохого, я серьёзный парень. И мне жениться уже пора! Если прилетишь ко мне, сразу пойдём в ЗАГС, моряков быстро расписывают, по справке из отдела кадров, я знаю это точно, у нас второй механик так недавно женился. Ты сможешь сама купить билет на самолёт? Давай я тебе на Главпочтамт до востребования вышлю перевод, так будет быстрее, чем на адрес училища. Предъявишь паспорт – паспорт у тебя есть? – Андрей вдруг понял, что не знает, сколько ей лет.

– Есть.

– Ой! А тебе уже исполнилось восемнадцать лет? Замуж-то тебя можно брать? – Андрей атаковал девушку вопросами.

Тут уже смягчилась и девушка, улыбнулась в ответ:

– Деятнадцать мне, с половиной. Как говорится, замуж не напасть, лишь бы замужем не пропасть.

– Ну что ты! Я же с тобой, куда ты пропадёшь? Правда, у меня нет пока своей квартиры в городе, но я сниму к твоему приезду. Со временем заработаю в рейсах денег и куплю нам с тобой семейное гнездо. А в гнезде кроме нас поселятся птенцы. Я сына хочу, родишь мне? Коньки ему куплю, в хоккей отдам, там характер закаляют быстро, настоящим мужиком воспитают.

– Андрей! – Аня остановила далеко идущие планы моряка. – Я не могу вот так, стоя посреди Арбата, сказать «да» человеку, с которым познакомилась всего сутки назад.

– И что же делать? – Андрей развёл руками в стороны и хлопнул себя ими по бёдрам. – Можно, конечно, полгода письма писать друг другу, заказывать междугородние разговоры, но я ведь в рейс уйду, со связью будет совсем всё плохо. Да дело даже не в этом, а в том, что ты через неделю уедешь в своё Иваново, и оттуда я тебя уже совсем никак не вытащу. Обживёшься там, обростёшь ракушками по самую ватерлинию...

– Чего-чего? – не поняла девушка.

– Да ничего, поговорка у моряков такая. Если пароход застрял в одном порту, то ракушки облепляют днище. Короче, надо решать сейчас!

– Я должна сказать маме.

– Конечно, скажешь! И в гости к нам позовёшь! Как раз до конца недели тебе придётся съездить на почту за переводом, заодно и маме позвонишь. Так, – тормознул парень, – надо же адрес, впрочем, нет, нужна только твоя фамилия и отчество. Говори, я запоминаю.

Аня молчала, пауза становилась неприличной, Андрей не мог больше шутить, но и давить на девушку уже было бы явным перебором. Он ждал, и она ответила:

Глава 2

7

– Граждане встречающие! Совершил посадку самолёт, прибывший рейсом из Москвы.

Андрей, с утра пораньше приехавший в аэропорт к обозначенному в телеграмме рейсу, стоял у самого выхода из терминала, боясь пропустить Аню.

Уже прошли мимо первые пассажиры, летевшие налегке, с ручной кладью. «Багаж ждёт, поэтому задерживается», – только подумал он и сразу увидел в конце коридора девушку в джинсах и белой футболке, катившую за собой чемодан на колёсиках.

Только сейчас он заметил, что её высокий рост, очень узкие бёдра и вытянутые в струну плечи делают её фигуру прямой, как столб. «В платье ей было лучше», – отметил он про себя и приветственно помахал ей рукой.

– Здравствуй, Аня! Можно я буду так тебя называть? – И, не дожидаясь ответа, подхватил ручку её чемодана. – Пойдем, нас там машина ждёт. Мишель, мой друг, согласился подвезти.

По дороге из аэропорта парни сидели впереди и о чём-то разговаривали. Аня сидела на заднем сиденье, смотрела в окно и молчала. Необычный пейзаж из невысоких холмов, покрытых густо-зелёным лесом, был так не похож на её подмосковные равнины с берёзками.

Машина петляла по дороге между этими холмами, то забираясь повыше, то идя под уклон. В какой-то момент справа в окно плеснуло ярким серебристым цветом, до горизонта наполнившим всё пространство в поле зрения.

– Аня, – повернулся к ней в пол-оборота Андрей, – вот наше море! Ты же говорила, что ни разу его не видела? Правда, это не само море, а только его залив, называется Амурский. Здесь вода спокойная, волн почти не бывает. – И снова заговорил с приятелем.

Девушка была сражена увиденным. До сих пор она думала, что море бывает только синего цвета, а названия – Красное, Белое, Чёрное – это для разнообразия, нельзя же ведь все моря называть одинаково: Синее.

Но это море было невозможных красок. Серебро водной глади отсвечивало миллионом золотых всполохов от яркого полуденного солнца, мелкая рябь поднимала из-под покрывала воды голубые струи, всё это природное великолепие переливалось от края до горизонта медленным величавым движением. И его было так много! И если это не само море ещё, а только какой-то залив, тогда какого же размера настоящее?

Аня смотрела в окно машины и думала: даже если у меня ничего здесь не получится, я хотя бы море увидела...

Она не могла бы сейчас точно сформулировать свои опасения. Ни страх незнакомого города, ни переживания по поводу жилья или будущей работы не беспокоили её сильно. Она же не одна! Андрей встретил её, как и обещал, и он возьмёт все хлопоты на себя. Бытовые проблемы её вообще не пугали, в интернате тоже жизнь не сахарная была, ко всему привыкла.

А что не так? Аня вслушивалась в себя, но никак не могла поймать ту ниточку внутри души, потянув за которую можно было бы сказать: ах, да, вот же они – мои внутренние сомнения! Вон куда запрятались, а я никак не могла догадаться, что там в самом потаённом месте моих мыслей?

Море внезапно кончилось, и дорога пошла вдоль городских кварталов. Город как город, зелени много, улицы широкие, дома высокие.

– Ну вот, Аня, уже почти приехали. Я снял квартиру в самом центре города, и к парку близко, и все развлечения рядом.

– А море далеко? – Аня была очарована недавним видом из окна машины и расстроилась, когда оно исчезло.

– Море? – Андрей, как и многие местные жители, у которых хоть краем глаза, хоть из одного окна, но море будет видно практически из каждой квартиры, не придавал этому факту большого значения. – Центральная набережная в трёх минутах ходьбы от нашей квартиры. Да вот, уже почти приехали. Вон, справа, море, а налево – к нам.

Машина свернула на улицу, заставленную павильонами с одеждой, и нырнула в узкую подворотню. Андрей вышел из машины и открыл дверь пассажирке:

– Добро пожаловать, как говорится!

Аня вышла из машины, сказав «спасибо» водителю.

– Да-да, Мишаня, спасибо за транспорт, увидимся! – добавил её спутник.

Подхватив чемодан и взяв девушку за руку, Андрей хотел было уже повести её к подъездной двери. Но Аня стояла и осматривала всё вокруг, как будто оттягивала время, когда они останутся вдвоём.

– Дома здесь такие старинные, прямо как на Арбате. – Аня подобрала деликатную фразу, хотя на самом деле была обескуражена обшарпанным видом старых двухэтажных домов с маленькими деревянными окнами, которые были на уровне её пояса.

– Это самый старый район города, называется Миллионка. Когда-то, в начале века, здесь жили китайцы, и их было очень много, а может богатые были – поэтому и название такое. Но дома не сносят, потому что это вроде как памятник старинной архитектуры. Ну, пойдём уже? – Андрей не спрашивал, а настойчиво предлагал.

И Аня пошла за ним внутрь дома.

8

Внутри квартира оказалась ещё хуже, чем дом снаружи. Крошечная прихожая, где вешалкой служила прибитая к стене палка с крючками для одежды, полки с ящиками, ведром и чем-то ещё, скрытым двумя занавесками, нанизанными на резинку.

Из «тамбура» – дверь в комнату, в которой с трудом поместились небольшой стол с двухконфорочной плитой «Мечта», холодильник «Саратов» и две табуретки.

Из «гостиной», через пустой дверной проём, – проход в спальню. Кроме двухъярусной кровати, а точнее, деревянных полатей, здесь больше не помещалось ничего. Впрочем, в противоположной от входа стене комнаты был вмонтирован шкаф, две полки которого не были закрыты, и на них лежали стопки постельного белья и полотенец. Перед шкафом на низкой тумбочке примостился маленький телевизор.

По всему периметру квартиры, по верхнему её краю, ползла перекрученная из двух нитей засаленная электропроводка. В «зале», она же и кухня, висел розовый абажур, бывший раньше красным, на что указывал цвет верхнего, сборенного, купола. В спальне – обычная лампочка.

Две проходные, без двери, комнаты имели одну общую стену-перегородку, в которую с обеих сторон на уровне колен вмонтированы железные дверцы с надписью «Ширпотреб».

– Это тайник китайцев? – ошеломлённая более чем скромной обстановкой, попыталась пошутить Анна и показала на дверцу в стене.

– Не-ет! – засмеялся Андрей. – Это печка с дымоходом, на дровах. Дом такой старый, что центрального отопления тогда ещё не было, а позже поставить – не разрешили, чтоб архитектуру не нарушить.

Я эту квартиру по знакомству снял, здесь жила бабушка моего друга, Сашки Веркина. Ну как – друга? Скорее – знакомого. Он доктор, ходил с нами в рейсы судовым врачом, а сейчас в экипажах эту должность сократили, так он на Скорую помощь устроился.

Бабушка старенькая, её Сашкины родители к себе забрали, они все вместе в трёхкомнатной живут. А может, и умерла уже, я не знаю точно.

Эта квартира ему по наследству досталась, наверное, когда жениться соберётся, сюда переедет. Но это точно не скоро будет, он такой скромняга, всё книжки на пароходе читал. Ни в покер сыграть, ни в увольнительную на берег сходить. Молчун. Мы его Уголковым звали – пристроится с книжкой в углу кают-компания и сидит тихо, пока моряки анекдоты травят за вечерним чаем.

Он, когда узнал, что я ищу съёмную квартиру, предложил мне это жильё почти бесплатно, только за свет платить и ещё там за что-то, немного, ну и присматривать за ней. Здесь район бойкий, чтоб не забрался кто.

Понятно, что не хоромы. Зато в самом центре, вот увидишь, когда пойдём завтра с тобой подавать заявление в ЗАГС – здесь всё рядом! И недорого, будет возможность больше откладывать нам на нормальную квартиру.

Ну, осваивайся, хозяйка, доставай вещи из чемодана, тебе же помыться с дороги надо – там, за шторками в коридоре – тазик на табуретке и раковина со сливом, воды я тебе сейчас нагрею на плите. Вот только туалет – на улице, да он рядом, в принципе, в конце дома белое строение с буквами М/Ж. – И Андрей вышел из «спальни».

Аня, чтобы не расплакаться, склонилась над чемоданом. Достала оттуда свои платья, бельё, сапоги и куртку (зима же наступит) и две пары завёрнутых в полотенце пуантов. Сшитые на заказ, специально по форме её стопы, они казались абсолютно ненужным антуражем в этом китайском спектакле. Где? Когда? Зачем?

Обратного билета на самолёт нет. Тазик – в коридоре...

Пока Аня умывалась, Андрей отварил картошки, приготовил закуски на стол, порезал яблоки, разломил шоколадку на мелкие кусочки, открыл шампанское.

– Ну, Анюта, с прибытием! Я очень рад, что ты прилетела ко мне. Давай, чокнемся, за начало нашей совместной жизни. – И Андрей протянул к Ане свой бокал.

– Давай.

После нехитрого обеда Андрей повёл Аню прогуляться к морю. Оно и впрямь оказалось в пяти минутах ходьбы от их дома. Девушка сняла босоножки и пошла по кромке берега. Ласково набегающие невысокие волны обдавали ноги приятной прохладой, щекотали пятки, успокаивали натруженные годами тренировок ступни. Аня смотрела на залив и пыталась постичь глубину этой пучины, но ей это не удавалось.

– А сколько метров до дна там, где пароход стоит? – спросила Аня у Андрея и показала на судно, стоящее в акватории.

– Я точно сейчас не скажу, надо по штурманской карте смотреть. Но точно больше пятнадцати метров, потому что осадка у этого сухогруза – не меньше двенадцати метров, а ещё и запас нужен, чтобы не сесть на мель.

– Это твой пароход? – девушка искала темы, на которые можно было бы говорить с парнем, с которым завтра ей идти в ЗАГС.

– Сегодня не мой, а завтра может быть и моим. Смотря куда направление дадут.

– Тебе завтра в рейс? – девушка подумала, что поход в ЗАГС может и не состояться.

– Нет, это я образно так выразился. У меня ещё два месяца отпуска, до сентября. У нас с тобой впереди прекрасное лето, будем загорать, купаться, но не здесь. – Андрей показал на табличку «Купаться запрещено». – Здесь не очень чистая вода. Купаться будем в другой бухте, у нас их много, или на островах. Там заповедные места, и звёзды, и ёжики, помнишь, в Москве я тебе рассказывал?

– Да, помню.

Заботливое отношение к ней Андрея, чудесное море рядом с домом почти примирило девушку с шоком от первого впечатления о жилище. Да разве и есть выбор? Выбор был сделан на Арбате, а сейчас надо принять ситуацию такой, какая она есть.

9

Все три немолодые работницы ЗАГСа посмотрели на вошедшую пару поверх очков. Жениться или разводиться? Семь из десяти браков рано или поздно распадаются. Кто-то живёт счастливо до золотой или рубиновой свадьбы, а кто-то не дотягивает и до стеклянно-деревянной.

Заявление у молодой пары приняли, но, вопреки ожиданиям молодых, регистрацию назначили только через месяц. «Вот если бы была справка из пароходства, что вам через три дня в рейс на полгода, или девушка ваша принесла справку от врача, что беременна – тогда бы мы вас быстрее расписали. А так – месяц на раздумье вам». Слова чиновницы не очень расстроили Андрея.

– Анюта, не переживай, я же не знал этих тонкостей. Всё будет хорошо, мы скоро поженемся. И сына Федей назовём. Тебе нравится – Фёдор Андреевич? Скажи, как здорово звучит!

Аня поняла, что девичьи мечты имеют свойство приобретать реальную окраску в совершенно неожиданных тонах. Какие ещё сюрпризы ожидают её в этом городе, с этим мужчиной?

Вчера вечером она была ещё более немногословна и сосредоточена на важном. На самом важном для неё в этот момент жизни. В интернате девчонки обсуждали это после отбоя, шушукаясь тихо из-под одеял, чтоб не подслушала за дверью воспитатель. А как оно, а что? А больно?

К окончанию училища были и те, кто познал азы с ровесниками, принимая совместно душ после репетиции. Подруга Нина после каникул возвращалась счастливая и тараторила про своего Вову как о решённом вопросе в поиске мужа.

– Так ты девственница? – Андрей был смущён этим обстоятельством больше, чем сама Аня. – У меня это в первый раз... Ну, в смысле, с девственницей – впервые. Ну что ж, как приличный человек, я теперь точно должен на тебе жениться.

Будущий муж был ласков и аккуратен, и Аня была благодарна ему за деликатное к себе отношение.

Жизнь налаживается, к удобствам во дворе тоже можно привыкнуть. Зато рядом – красавец-мужчина, не пьющий, сказать точнее – не сильно пьющий, с зарплатой, и море – тоже рядом.

Когда Андрей уходил по своим делам, отмечаться в пароходстве, или на стрелку, как он говорил, с друзьями, Аня шла к морю. Чуть дальше того места, где она в день приезда интересовалась глубиной залива, она нашла пляж, пригодный для купания. Предупреждающих табличек здесь не было, зато купальщиков – хоть отбавляй.

Аня встречалась каждый раз с морем как с чудом, которое вдруг неожиданно дали ей в бесконечное пользование. Её завораживала эта огромная масса воды, которая никуда не текла, но и, стоя на месте, была настолько живым, подвижным организмом, что захватывала девушку целиком и полностью в свою орбиту.

Аня ощущала себя частью водной стихии. Когда она погружалась в воду по плечи, она сливалась душой и телом с этой мощной магией воды, и сама становилась частью моря.

Ей казалось, что это от движения её рук возникают новые волны: вот они плавно приподнимают очередную порцию воды и лёгким взмахом отправляют её в сторону берега. Упругие глубинные течения обхватывали её тонкую фигуру и наполняли питающей энергией.

Самым большим удовольствием было лечь на кромку берега, а ноги опустить в воду. Лёгкие волны ритмично набегали на икры, колени, бёдра девушки, стараясь развернуть их парал-

лельно берегу и вытолкнуть целиком на сушу. Нужно было немало напрягать мышцы, чтобы сопротивляться набегающей волне! Колыхаться так в безмятежной расслабленности Аня могла бесконечно.

В такие моменты она совсем не думала о балете. Да и что о нём думать? Карьера кончена, так и не начавшись. За две недели – ни одной тренировки. В той берлоге, в которой они живут с Андреем, зарядку не сделаешь, не ударившись о какой-нибудь из углов. Театра для балерины ещё не построили, а во время школьных каникул искать работу в кружках танцев бесполезно.

10

– Анюта, вставай уже. Сегодня едем на шашлыки, надо за овощами сходить, вина взять. Мои друзья отмечают три месяца своей дочке, Катюшке. А что, чем не повод? Приедут ещё ребята с парходства, кто с девушками, кто сам. Машины себе все накупили по дешёвке в Японии, один я безлошадный пока. Поедем с кем-нибудь из них. – Андрей готовил завтрак, а Аня всё ещё лежала на нижней полке двухъярусной кровати.

– А зачем здесь второй этаж? Над нашей кроватью?

– Я не знаю. – Андрей встал в проёме между кухней и спальней. – Вот, кстати, там сегодня на природе Сашка будет, хозяин квартиры, у него и спросишь.

– Доктор Веркин?

– Ну да.

Место для шашлыков, конечно же, было у моря. Похоже, что в этом городе для каждой бухты предусмотрен свой ритуал: на Набережной можно гулять и смотреть. В бухте Фёдорова (Аня спросила название у соседей по пляжу) – купаться. А в Садгород едут «на природу» жарить шашлыки.

Уютная поляна с готовыми костровищами для мангала, большая стоянка для машин, рядом – развалины бывшего курорта, от которого осталась только табличка на кирпичной стене «Грязелечебница». И опять – море, море...

Никто из шумной компании человек в пятнадцать совершенно не мешал друг другу. Кто-то следил за костром, кто-то играл в бадминтон, девушки нарежали хлеб и овощи и нанизывали куски мяса на шампуры.

По приезде на поляну мужчины представили своих подруг, из череды откликов «очень приятно, очень приятно» Аня поняла, что многие из них – новенькие, или временные.

За импровизированным столом – обычной клеёнкой, расстеленной прямо на траве, – все расселись по периметру. Поздравили молодых родителей с днём рождения крошки, которая на свежем воздухе мирно спала уже второй час подряд в коляске под тенью большого дерева.

Дальше беседа, как эстафетная палочка, переходила от одного мужчины к другому. Девушки предпочитали не вступать в мужской разговор. После третьего тоста – «За тех, кто в море!» – ребята поднялись с земли, чокнулись пластиковыми стаканчиками и выпили, кто – беленькой, кто – красного вина.

– Павлины, говоришь... А вот мы в Малаккском проливе, знаешь, как отбивались! – Один из парней завёл нудный рассказ о том, как они с экипажем пробивались через какой-то пролив, полный пиратов. – Да мы их давили корпусом, джонки эти, они же, как клещи, цепляются, машут своими топорами самодельными...

Андрей наклонился к Ане:

– Ну, сейчас заведёт пластинку на целый час. Надо притормозить его. – Андрей поднял руку вверх, прося внимания, и похлопал в ладоши:

– Друзья, прошу внимания! У меня хорошая новость: мы с Анютой через две недели расписываемся, заявление уже лежит в ЗАГСе. Невеста у меня – балерина, закончила с дипломом училище в Москве, и сама родом из столицы нашей Родины.

Гул одобрения прокатился по поляне. Девушки с любопытством и завистью посмотрели на Аню. Надо же, какая редкость. Чтобы моряк женился – тут веские основания нужны. Не беременна ли, часом? А парни уставились впрямую на Аню, как будто пару часов назад ещё не было повода смотреть на неё и изучать взглядом, а теперь появился. Где он такую краплю откопал? Москвичка, да ещё и балерина? Крутой перец, чего уж там!

– А свадьба будет? – спросил кто-то.

Андрей как-то неопределённо пожал плечами:

– Да надо в деревню к матушке съездить, потом решим, где будем праздновать и как.

Перспектива знакомства со свекровью напрягла Аню куда сильнее, чем шторки на резинках в прихожей. Она незаметно отошла от шумной компании ближе к морю и присела на выброшенную на берег деревянную корягу.

Ствол дерева был отшлифован морской волной до белизны, Анна смотрела вдаль и одновременно гладила деревяшку по гладкому стволу, чувствуя тепло нагретого на июльском солнце дерева.

– Аня! – окликнул девушку мужской голос.

Повернувшись на звук, Аня увидела одного из парней в общей компании. При знакомстве она не запомнила всех имён и смотрела теперь на него вопросительно.

– Я Саша Веркин. Тот самый, хозяин квартиры на Миллионке. Я присяду, ты не против? – Не дожидаясь ответа, сел на бревно, но не рядом, а с дистанцией. – Как вы там обжились?

Да, он представился при знакомстве, как Александр, но Аня не подумала, что он – тот самый доктор. Не похож на врача, худенький, плечи узкие, как у подростка, ростом невысокий, волосы светлые. А руки как раз докторские: узкие ладони, тонкие пальцы с ухоженными ногтями. Так бы и сказать: ничего тяжелее ложки в руках не держал. Но ведь у него благородная профессия, можно и простить холёные руки.

– Да, спасибо, крыша над головой есть, а с остальным справимся.

– Там, конечно, мебель никудышная, начала века, – как бы оправдываясь, начал Александр. – Но там никто не жил в последнее время, и смысла что-то покупать и менять не было. Так-то жильё в центре города, может, пригодится когда-нибудь. Мы не сдавали эту квартиру никогда раньше, все ждём, может, снесут или ремонт сделают. Печка эта допотопная...

– А что, зимой холодно здесь? – Аня пока не думала о местном климате.

– Ну, не так, как в Сибири, но печку топить придётся.

– А зачем там двухъярусная кровать? Там же бабушка одна жила?

Саша поморщился, было видно, что ему не очень хочется вдаваться в подробности. Но Аню настолько угнетала эта деревянная плита над её спальным местом, что она молчала, ожидая ответа. Может, разрешит сломать?

– Понимаешь, там такая длинная история... – Парень все ещё надеялся, что девушка сменит тему, скажет: «да ладно, не хочешь – не рассказывай», но Аня смотрела в сторону моря и молчала.

– Бабушка моя иногда просила свозить её на Миллионку, посидеть во дворе, зайти в эту квартиру, повспоминать. Поэтому мы не меняли там, не выбрасывали ничего. Она умерла этой зимой, а во Владивосток она приехала ещё до войны, как ссыльная. Моего деда, полковника Красной армии, расстреляли, а её, как члена семьи врага народа, выслали на Дальний Восток. И с ней двух её детей – мою маму и её сестру, они ещё маленькие тогда были.

Ей выделили это жильё, там вообще пусто было, соседи помогли – кто стул, кто тарелки. Ну и полати эти соорудили. Внизу бабушка спала, а наверху девочки. Так и жили, пока дочки замуж не вышли.

Потом, когда мои родители вечером уходили в кино или на концерт, они отвозили меня к бабушке, и это уже было моё место ночлега. И мне там нравилось. Бабушка вязала носки и рассказывала мне сказки, под них я и засыпал.

Да, кстати, Андрей сказал, что ты училась в балетном училище. И моя бабушка, Ирина Михайловна, тоже была балериной, танцевала в Большом театре, она же коренная москвичка. Она мне и о театре рассказывала, но мне это было неинтересно тогда. Я помню только, что она танцевала какую-то фею. Может, и других, я не помню. Жалко, теперь уже не выслушать.

– Фея Драже, – откликнулась негромко Аня.

– Что? Не расслышал? – Саша повернулся к девушке.

– Нет, ничего. Я сочувствую, наверное, вы очень любили свою бабушку. – Аня была потрясена таким совпадением и почти не верила сказанному. Чтобы вот так закольцевалась история? Чтобы спустя десятки лет она поселилась в квартире, в которой жила балерина, танцевавшая в доме на Театральной площади с квадригой Аполлона на фронтоне? Разве такое может быть в жизни? Выходит – может...

11

Деревня Анну встретила неласково. Сначала облаял пёс, рвавшийся с цепи к калитке. Андрей фукнул на него, схватил собаку за ошейник и махнул рукой в сторону дома, мол, давай, пробегай, пока держу. Аня метнулась от ворот к крыльцу и буквально воткнулась в хозяйку, вышедшую из дома на лай овчарки.

Грузная женщина неопределённых лет, в фартуке поверх халата, не глядя на девушку, запричитала:

– Андрюшенька, приехал, сыночек! А я, как знала, пирогов напекла и сон видела: бежишь ко мне вдоль речки, маленький, в шортиках. Ну, давай, заходи в избу.

Андрей присмирил собаку, и подошёл к крыльцу:

– Аня, познакомься, это моя мама, Антонина Фёдоровна. А это Аня, моя будущая жена.

Женщины стояли в метре друг от друга, Аня, как младшая, первой протянула руку для знакомства, но свекровь сделала вид, что не заметила девичьего жеста, развернувшись в этот момент к двери дома.

Жилище внутри было сирое и убогое. Взгляд цеплялся за лампочку, криво болтавшуюся на проводе под потолком, и перемещался на печку, зрительно разделявшую жилую комнату на две части. Кровать, стол, стулья, шкаф, телевизор.

«А где мы спать будем? – подумала девушка. – В одной комнате с его мамой, что ли?»

Аня спросила Андрея, где можно помыть руки с дороги. Он вывел её на крыльцо и показал дорогу в огород.

– Там, в конце тропинки, туалет. А рукомойник – вот здесь, за стеной дома. Не бойся, собака туда не достанет. И гавкать уже не будет, она только на заходящих во двор лает.

Девушка пошла по деревянным мосткам вглубь огорода. Грядки с зеленью аккуратными квадратами лежали слева и справа от тропинки. На обратном пути через приоткрытую дверь до неё донеслись слова свекрови:

– ... И где ты только такую шкидлу нашёл? Худая, длинная и нескладная, как собачья песня. Бёдра узкие, задницы совсем нет. Балерина, видишь ли. А как она рожать с такими бёдрами будет? Где ребёночку там поместиться?

– Ну, мам, не надо, все рожают, и мы родим как-нибудь.

Аня специально шумно толкнула дверь, чтобы прервать их беседу и не услышать ещё какой-нибудь гадости в свой адрес.

После обеда Андрей повёл её к речке, как он сказал, к «берёзам моего детства». Пока они три часа ехали в автобусе, справа в окне то и дело появлялись морские заливы, но деревня, на удивление, оказалась в лесу. И единственный водоём здесь – небольшая мелководная речка.

Андрей рассказывал Ане, как он с друзьями после школы бежал сюда рыбачить, захватив с собой хлеб для поклёвки рыбы. А осенью, когда рыба идёт на нерест, её вообще можно багром цеплять под жабры – такая она неповоротливая.

Девушке монолог про рыбалку был не очень интересен, как и сама речка, но буйство зелени и природная тишина примирали её с деревенской действительностью. Всё-таки море – это совсем другая философия. Оно не суетно и величаво. А речка – журчит, по камушкам торопится, прозрачная, чистая. С горы вон той, по соседству с деревней, наверно, сбегает.

После ужина свекровь постелила Ане матрас на полу, за печкой. А Андрея отправила ночевать на чердак летней кухни.

– Вот когда обручальные кольца на пальцах увижу, тогда и будете спать вместе в моём доме, – вынесла свой вердикт свекровка.

На следующий день Андрей, подыскивая слова, сказал Ане, что свадьбу в деревне сыграть не получится, потому что мама сказала, что сейчас не сезон, до октября в деревне все заняты урожаем, и никто не придёт на торжество.

– А мне же в море скоро уходить. После этого рейса подам документы на второго помощника капитана, потом на старпома, а там, глядишь, и до капитана дослужимся с тобой. Так что распишемся по-простому в ЗАГСе. Хорошо, Аня? Да и денег сейчас особых нет, всё так навалилось. Маме надо ещё оставить немного. Тебе по свидетельству о браке в нашей бухгалтерии будут часть моей зарплаты выдавать, без денег я тебя не оставлю. Жениться нам надо, обязательно, чтоб всё официально было, вдруг там уже малыш завёлся?

И Андрей положил свою руку на живот девушки.

Аня же думала только об одном: как бы забыть сюда дорогу навсегда... А вслух сказала:

– Я хочу при регистрации оставить свою фамилию, можно?

12

Жизнь за мужем, или замужем – всё равно, ей, в принципе, нравилась. Не скучно, Андрей умеет пошутить, в быту такой разворотливый: может и пол помыть, и завтрак приготовить. Учит нехитрым рецептам – как суп сварить, как котлеты пожарить.

Говоря по правде, с кулинарией у неё совсем туго. Дома, маленькой, ещё рано было к плите вставать, а в интернате столовское питание. Где же и когда было люля-кебаб учиться заворачивать? Но она старалась, училась кашеварить, особенно ей удавался винегрет. Андрей даже хвалил то, насколько мелкие кубики овощей выходят из-под её ножа.

Покою не давали две вещи. Что она будет делать, когда Андрей уйдёт в море? И будут ли на её ногах ещё хоть раз когда-нибудь пуанты?

Ответ на первый вопрос нашёлся через месяц после бракосочетания. Вечером, смотря в своей берлоге телевизор, Андрей обратил внимание на бегущую строку рекламы.

– Аня, смотри! Тут девушек с хореографической подготовкой приглашают на телевидение, программу какую-то вести. Может быть, тебе это интересно?

Аня, готовившая на кухне макарон по-флотски, встала в проёме между комнатами.

– Вот, снова повторяют! Читай! И номер дома запомни, а улицу я знаю, это рядом с нашей бурсой, я там пешком всё вокруг обходил.

На местном телевидении шли в ногу со временем: аэробику – для широких народных масс. Если бы Анна не прошла творческий отбор, то кого туда ещё брать? Режиссёр видеопрограмм Светлана Сергеевна была в восторге.

– Аннушка, умничка, золотце моё серебряное! Сам Господь Бог тебя мне послал. Давай, пиши первую зарядку на пятнадцать минут. Всё ты знаешь, какие там коленца, па-де-де и прочее, музыку тоже сама подберёшь. У нас фонотека в конце коридора, Никита Никольский тебе поможет, звукорежиссёр наш.

Девочки, слушаемся Аню, она по центру, вы, по двое, слева и справа от неё. Тренировки каждый день, базу ищите сами, запись первой программы через две недели, в понедельник, в семь утра. В другое время студия весь день занята, так что без опозданий.

И, девочки, давайте костюмы посексуальнее, но без пошлости! Шорты, маечки в обтягон, гетры полосатые с кроссовками – самый цимус будет! Давайте, мои хорошие, взорвём утро нашим зрителям!

Одна из девушек предложила для репетиционной базы танцевальный зал детского клуба, в котором она вела кружок танцев. За небольшую плату директору – её подруге. Режиссёр ответила согласием, и работа пошла.

Когда Аня, после двух месяцев вынужденного простоя, снова встала к станку у зеркальной стены, её тело заныло от счастья и восторга. На самом деле, это молочная кислота поддавала топлива для застоявшихся икроножных, гребенчатых, трёхглавых и прочих мышц, вспомнивших своё предназначение.

С хореографией проблем у Ани не было, поставить танец на 15 минут – это же её профессия. Хоть народный, хоть классический, хоть джигу, хоть степ. С музыкой было сложнее. Все её знания в этом вопросе ограничивались в основном балетным репертуаром. А задача режиссёра – быть секси на экране – требовала соответствующей озвучки.

После нескольких занятий с девочками под «раз-два-три» Аня пошла к звукорежиссёру за советом. На стук ей никто не открыл, она потянула дверь на себя – открыто.

Из-за рабочего стола навстречу ей поднялся молодой человек невысокого роста. Но крепкий, с сильным руками, бицепсы которых словно выпрыгивали из-под майки с коротким рукавом. Не снимая наушников, надетых на тёмный ворох кучерявых волос, спадающих на уши, он махнул ей приветственным жестом, затем молча показал на стул рядом с собой и снова сел к компьютеру.

Следующие десять минут Анна смотрела в монитор компьютера, на котором мелькали кадры какого-то фильма, но ничего не понимала. Наконец парень протянул ей вторую пару наушников – мол, надевай. Уши девушки обволокло мягким звучанием волшебной музыки, и сразу видеоряд на экране наполнился содержанием.

Кадры приморской природы с холмами, покрытыми зелёным плюшевым ковром, мягко сползающим к морскому побережью, под звуки музыки наполнялись смыслом, оживали, говорили со зрителем.

Звукорежиссёр двигал дорожки микшерного пульта, нажимал какие-то кнопки, крутил тумблеры, в результате чего звук то утихал, то наполнялся силой, одну мелодию сменяла другая, и Аня полностью погрузилась в процесс сотворения маленького чуда руками мастера.

Когда работа закончилась, Аня смотрела на режиссёра как на волшебника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.